

УДК 821.161.1

ОБРАЗ РАФАЭЛЯ ШАПИРО В ПРОЗЕ И ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

© Милеуша Хабутдинова

THE IMAGE OF RAPHAEL SHAPIRO IN PROSE AND MEMOIRS OF HIS CONTEMPORARIES

Milyausha Khabutdinova

The article presents material about the life and work of the scientist-inventor, writer Rafael Shapiro (pen name Bakhtamov) (1926-1993). The research is based on the memoirs of his contemporaries (G. Altshuller, L. Filkowski, L. Coats) and prose writers (the novel "Let's Pray!" (1991-1993), A. Gilyazov's recollections, and a mono-novel by I. Lisnyanskaya "A Boaster" (1999-2000)). It is proved that these memoirs are an important source of historical and cultural information about the era and its prominent figures. The subject of the study is the image of R. Shapiro. The protagonist is mainly portrayed by means of his psychological, dynamic, speech characteristics.

The paper thoroughly analyzes R. Shapiro's autobiographical novel "Twenty-Five plus Twenty-Five" (1994) and identifies the ratio of fiction and non-fiction in the image of N. V. Korin, the main character of the work. Special attention is paid to the artistic embodiment of the prison camp image in A. M. Gilyazov's novel "Let's Pray!" and R. Shapiro's novel "Twenty-Five plus Twenty Five": space (isolation, hierarchy, hell), special psychology of a human prisoner, understanding of human behavior in a critical situation (hunger).

Keywords: Rafael Shapiro, Raphael Bakhtamov, A. M. Gilyazov, I. Lisnyanskaya, "camp prose".

В статье систематизирован материал о жизни и творчестве ученого-изобретателя, писателя Рафаэля Борисовича Шапино (псевдоним Бахтамов) (1926–1993), в основе которого воспоминания современников (Г. Альтшуллер, Л. Фильковский, Л. Шуб) и проза писателей (роман-воспоминание А. М. Гилязова «Давайте помолимся!» (1991–1993), монороман И. Лиснянской «Хвастунья» (1999–2000)). Доказано, что эти мемуарные источники содержат важные исторические и культурные сведения об эпохе и ее деятелях. Предметом исследования становится образ Р. Шапино. В характеристике героя доминируют психологический, динамический, речевой портреты.

В работе подробно анализируется автобиографическая повесть Р. Шапино «Двадцать пять плюс двадцать пять» (1994). Выявлено соотношение художественного и документального в образе главного героя произведения Н. В. Корина. Особое внимание уделяется художественному воплощению образа лагеря в романе-воспоминании А. М. Гилязова «Давайте помолимся!» и повести Р. Шапино «Двадцать пять плюс двадцать пять»: пространство (замкнутость, иерархичность, ад), особая психология человека-узника, осмысление поведения человека в критической ситуации (голода).

Ключевые слова: Рафаэль Шапино, Рафаил Бахтамов, А. М. Гилязов, И. Лиснянская, «лагерная проза».

Впервые с именем Рафаэля Шапино мы столкнулись, когда работали над изданием «Сайланма эсэрлэр» («Собрание сочинений») А. М. Гилязова (1928–2002) в 6 т. [Гыйләжев, 2013–2015] и русского перевода его автобиографического романа «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!») [Гилязов, 2017]. В интервью с Марселем Галиевым, опубликованном в сентябре 1993 г. в газете «Шәһри Казан», татарский писа-

тель так расшифровывает замысел создания своего произведения:

Вот я закончил свой роман «Давайте помолимся!», в нем речь идет о событиях, которые произошли сорок лет назад. В произведении все имена – имена реальных людей, каждое событие – из лично пережитого! Я стремился, не совершая подлости в отношении прошлого и истории, донести собственное понимание правды. У каждого человека, великого или маленького, свое отношение к истории, свой аршин

для ее измерения. Мне надо было избавиться от этих воспоминаний, так как мои самые светлые памятные события произошли в сталинских лагерях, тюрьмах (я там пробыл с 22 до 28 лет) [Гыйләжев, 1993] (перевод наш. – М. Х.).

Летом 1991 года, оказавшись на вершине зловещего каменного карьера в Волынке, писатель произнес следующие слова:

Многие мои спутники по лагерю, наверное, уже отошли в мир иной, поскольку уже тогда были взрослыми людьми, познавшими нужду и горе. Я не смог согреть их души своей молитвой, потому что среди них были мусульмане, православные, католики, лютеране, баптисты, иудеи, буддисты!.. Я пришел сюда отдать последнюю дань своего уважения вашим светлым душам, летающим над своим адом; только обращаюсь я к вам на своем родном татарском языке! Здравствуйте, мои дорогие! Мои родные! Я пришел сюда, тоскуя о вас!

Свои дорожные впечатления он позднее изложил в эссе «Эзләремне эзләдем» («Я искал свои следы») [Гилязов, 2017, с. 432–479]. А. М. Гилязов решил увековечить спутников по лагерю, так как стал свидетелем того, как государство тщательно уничтожает память о зловещих лагерях, которые «держали в кулаке судьбы тысяч людей!» [Там же, с. 470].

С Рафаэлем Шапиро А. М. Гилязов столкнулся в 1952 году в Карабасском пересыльном лагере, куда согнали политзаключенных со всей страны. Татарский писатель проявил удивительную прозорливость: уже тогда разглядел в «профессоре из Баку» [Там же, с. 273] будущего журналиста-международника. Студент казанского университета выделил в «толпе местных зэков» две колоритные фигуры:

Ленинградский профессор Наум Песин, самый большой ученый лагеря, низкорослый, быстрый, как блоха, хоть и высох от голода, не жалея ног, мол, «новый этап – новая информация», спешит к воротам. Он собирает все новости. А Рафаэль Шапиро, профессор из Баку, с перхотным колтуном на голове, покрытой струпами шеей, безобразно отросшими ногтями, в немых ушах его можно репу сажать, тенью следует за Песиним. Тот рвется с места, подпрыгивает, желая придать резвости ногам, торопится, но все равно не может оторваться от тяжеловесного Шапиро. Скачет Песин, постромки рвет, а оглянется, всего-то два метра «проскакал», голодный, бедняжка, совсем обессилен. Эти два друга собирают информацию, сортируют ее и анализируют. «Невеста идет, невеста идет, язык у нее, что пест», – говорят острые на язык татары. «Этап идет, этап идет, два друга, Песин и Шапиро, всюду успевают!» Назавтра по зоне: «Песин сказал то, Песин сказал се!» – побегут теплые волны добрых новостей. «А Шапиро по-другому думает...», – обна-

ружатся и возразят оппоненты. Песин и Шапиро – это и радио нашей зоны, и ее пресса! Даже случайно попавший в руки клочок газеты для них источник информации, из двух слов сделают три, из трех – пять. Им верят, арестант должен жить с верой, и яростные бандеровцы, и сдержанные литовцы, и готовые вспыхнуть по любому поводу кавказцы верят им. Такие отношения на зоне редко зарождаются [Там же, 2017, с. 273] (перевод С. Сафина, М. Хабутдиновой. – М. Х.).

На мастерство портретных характеристик в романе А. М. Гилязова впервые обратил внимание татарский прозаик Гариф Ахунов: «<...> в романе сотни портретов: политические, легионеры, воры в законе, убийцы, репатрианты... Разные по национальности: татары, русские, евреи, молдаване, цыгане, чеченцы, туркмены, казахи, армяне... У каждого – свое выражение лица, занятие, осанка, жесты, внутренний мир или бездуховность» [Ахунов, с. 119]. В 2017 г. нам удалось связаться с родственниками Р. Шапиро: братом Юрием Борисовичем Шапиро и племянницей Ириной Сахута, проживающими в Израиле. Мы передали им в дар книгу А. М. Гилязова «Давайте помолимся!» и убедились, что в романе, действительно, речь идет о Рафаэле Борисовиче Шапиро (1926–1993). И. Сахута приняла участие в презентации книги А. М. Гилязова «Давайте помолимся!», которая состоялась в Москве в Музее истории ГУЛАГа 19 января 2018 года [Аяз Гилязов «Давайте помолимся!»].

А. М. Гилязов после освобождения и реабилитации стремился разыскать своих соратников по лагерю. С кем-то состоял в активной переписке, ездил в гости, с кем-то после лагеря ему связь восстановить не удалось. По иронии судьбы и стечению обстоятельств татарский писатель так и не узнал, что под псевдонимом Рафаил Бахтамов печатается его знакомый по лагерю – писатель-фантаст, инженер, изобретатель, популяризатор науки Рафаэль Шапиро ([Бахтамов, 1961], [Бахтамов, 1965], [Бахтамов, 1966], [Бахтамов, 1968], [Бахтамов, 1973] и др.). Ю. Б. Шапиро, И. Сахута в своем отзыве о романе выразили благодарность татарскому писателю, столь точно и выпукло сумевшему передать характер и натуру Р. Шапиро, хотя с момента их последней встречи прошло четыре десятилетия [Там же].

В лагере не принято было называть настоящие имена. Вместо этого использовались номера, псевдонимы, прозвища. Так, А. М. Гилязову в лагере вначале присвоили номер «Ц-86», затем «по непонятным причинам, его поменяли на „П-225“». В Луглаге он отбывал срок уже под номером «1-Г-732»:

Я был политическим заключенным Луглага, чья фамилия начиналась на букву «Г», представитель «первой тысячи» арестантов с порядковым номером 732. После нас были тысячи и тысячи новых каторжан, взглянув на номер любого из них при встрече, ты мог сложить достаточно полное впечатление о его обладателе [Гилязов, 2017, с. 168] (перевод Н. Ишмухаметова. – М. Х.).

В своих воспоминаниях А. М. Гилязов признается, что в лагере он редко называл свое настоящее имя. Так, в Актасе в письмах, адресованных Елене Дзидра, он называет себя Алексеем Неоном, Алексеем Глазуновым. Венгр Арпад Галгоци обращался к другу-татарину: «*Чингиз!*», «*Батый!*», «*Хан Батый!*» [Там же, с. 7]. В лагере было не принято рассказывать о причинах ареста, делиться подробностями собственного «Дела».

Студенты Р. Шапиро и А. М. Гилязов, осужденные по 58-й статье в 1950-е гг., отбывали наказание в Караганде. Татарский писатель в своих произведениях подробно описывает структуру лагерей, расположенных в Казахстане:

Караганда фактически состояла из трех больших лагерей. Степлаг – преисподняя, Джекказганский и Кенгирские лагеря, медные рудники, шахты. В Степлаге люди долго не выдерживали, через два-три года превращались в «доходяг» и попадали в спасскую больницу. В Спасске, бывало, находилось на излечении до тридцати пяти тысяч заключенных. <...> Половина больных оставалась навечно в Спасске, а вторую половину, немного «подремонтировав», гнали в Луглаг [Там же, с. 463].

Следующий лагерь – особое лагерное сообщество о ста вратах – буквально проглатывало политических заключенных. Арестанты копали шахты, работали на ДОКах и кирпичных заводах, возводили города и поселки. Прошедших и второй этап преисподней, заработавших букет неизлечимых болезней, увечных, перекошенных, в сорок-сорок пять лет превратившихся в бородатых стариков арестантов свозили в итоге в «Карлаг». Полубезумные инвалиды работали в сельском хозяйстве, выращивали овощи и зелень. Попавшие в щедрые казахстанские степи в последние годы жили в особо жестком режиме. Переписка запрещена, в год два запечатанных письма, и те на русском языке. В четырех местах тела номера. На рассвете выходишь из запертых дверей на работу, по возвращении ужинаешь, и тебя опять с лязгом закрывают. Тебя стерегут сотни солдат и офицеров. Внутри лагеря волчары-надзиратели [Там же, с. 166–167].

Мысль о создании произведения о своем лагерном прошлом зародилась у Р. Шапиро и А. М. Гилязова в эпоху «оттепели», однако этот замысел получил оформление лишь в 1990-е гг., в эпоху перестройки и гласности [Хабутдинова]. Роман-воспоминание «Давайте помолимся!» был

написан в 1991–1993 гг. и впервые опубликован в 1993 году в журнале «Казан утлары» [Гилязов, 2017, с. 167]. По воспоминаниям Л. Фильковско-го, Р. Шапиро в 1964 г. вместе с Г. Альтшуллером заключили договор с издательством на написание книги о «судилище» над ними, но в 1965 г. директор издательства расторгла его [Фильковский]. Повесть Р. Шапиро «Двадцать пять плюс двадцать пять» была опубликована лишь после его смерти в 1994 г. в Израиле его вдовой Норой Шапиро под редакцией Владимира Портнова [Шапиро].

Главный герой повести – Сергей Владимирович Корин, по мнению редактора, «не является двойником автора или рупором его идей». Это «молодой „технар“», который представить себе не мог, что его обжитой мирок разлетится вдребезги из-за нескольких слов» [Там же, с. 9]. С. В. Корин – выпускник политехнического института, сотрудник завода, изобретатель, имеющий к моменту ареста 10 авторских свидетельств.

Во время допросов С. В. Корин, как в свое время и сам Р. Шапиро, пытается доказать всю абсурдность выдвинутых против него обвинений. Оказавшись в лагере, он старался ни с кем не сближаться, если и общался, то только с людьми, близкими ему по уровню интеллекта, кругозору и интересам (латыш Урбанис, поляк Владзимирский).

После оглашения приговора за случайный разговор главный герой повести Р. Шапиро С. В. Корин, словно пережив перезагрузку сознания, как «человек не глупый и порядочный» начинает другими глазами смотреть на «свою долагерную жизнь» [Там же, с. 9].

Повесть «Двадцать пять плюс двадцать пять» «повествует не столько о жестокости и страданиях лагерной жизни, сколько о ее бессмысленности, абсурдности и выморочности». Вместе с главным героем читатель встречается

<...> с интересными, узнаваемыми и, по мнению В. Портнова, очень типичными людьми сталинской, а пожалуй, и всей советской эпохи: с пожилым латышом, который искренне не понимает этого абсурдного мира и ведет себя так, как ведут себя простые и честные люди во время стихийного бедствия; с молодым поляком, который убедился, что этим миром правит всеобщий и всеильный цинизм, и твердо решил жить по его законам; с дураковатым русским майором, не исправимым оптимистом, который ищет здесь советской власти и всякий раз озадачен тем, что не находит того, чего ожидал; с бригадиром, который не то поверил, что законы сталинского государства подобны законам природы, не то считает выгодным играть такую игру; с человеком, который все понимает и страстно

ненавидит и которого эта неизбежная ненависть похищает, как болезнь... [Там же, с. 10].

К сожалению, повесть осталась неоконченной.

Автор наделяет главного героя произведения фактами собственной биографии. Р. Шапиро – выпускник экстерной школы г. Баку, где начался отчет его исследовательской биографии. В 1943 г. вместе с Генрихом Альшутлером и Игорем Тальянским они разработали свое первое изобретение «Дыхательный аппарат с химическим патроном». В 1947 г. авторское свидетельство было получено, а само изобретение засекречено. [Первое авторское свидетельство, 1947]. К 1950 г., к моменту ареста у Р. Шапиро, студента 5 курса Азербайджанского индустриального института, на руках было 5 авторских свидетельств, полученных в соавторстве с Г. Альшутлером [Изобретения Г. С. Альшутлера].

Г. Альшутлер в своих воспоминаниях признается, что переговоры о реализации серьезных проектов от лица творческого коллектива вел чаще всего Р. Шапиро:

Шапиро был в очках, смотрелся тогда более солидно, чем я без очков. В то время, когда я стал носить очки, уже было поздно думать о солидности. А тогда... факт остается фактом. К Шапиро относились как к положительному серьезному человеку. А я был сумасшедшим «психом-изобретателем» [Альшутлер].

Окружающие видели в Р. Шапиро будущего ученого. Г. Альшутлер в своих воспоминаниях отмечает, что друг обладал таким навыком, как дар убеждения:

Если бы я сказал, что дважды два – четыре, то я бы произнес это с такой экспрессией, что серьезный собеседник бы сказал, что, ну, заливаает. А Шапиро мог бы сказать, что дважды два – пять, и собеседник ответил бы, что об этом надо подумать. Ценное качество характера [Там же].

Если Генрих был жесткий, не идущий на компромиссы, то Рафик был интеллигентно-мягкий и покладистый. Если Генрих резко обрушивался на своих оппонентов, то Рафик сглаживал эту резкость, находя подходящие, смягчающие выражения. Оба имели литературный талант и сотрудничали в газетах. В школе мальчишки относились к Рафику, как к чудаку. <...>

Но, вместе с тем, он участвовал как в мальчишеских играх, так и в драках [Фильковский].

Л. Фильковский указывает на смелость и высокую порядочность, свойственные Р. Шапиро.

В воспоминаниях ученого встречается выразительный портрет Р. Шапиро-студента:

Учился он легко, и у него оставалось свободное время. Он не любил пустое времяпрепровождение и поступил во второй институт, заочный юридический. Кроме того, он активно участвовал в вечерах любознательной молодежи. Он, как и Альшутлер, выступал с докладами на самые разнообразные темы, что привлекало к ним мыслящих ребят и девушек. Работа над изобретениями заставляла его углубляться в другие области знаний [Там же].

В 1949 г. Р. Шапиро потерял интерес к ТРИЗ, работал только с конкретными проектами.

Г. Альшутлер в своих воспоминаниях указывает, что причиной ареста могло послужить письмо к И. В. Сталину о ТРИЗ, которое они написали вдвоем [Альшутлер].

По воспоминаниям Л. Фильковского, Р. Шапиро оказался за решеткой, так как отказался донести на Г. Альшутлера. Следователи во время допросов требовали от друзей сознаться в сотрудничестве с иностранными разведчиками:

Изобретенный ими водолазный костюм оказывается «предназначался для подводного побега в Иран». То, что в этом костюме нельзя проплыть более 15 минут, несколько не останавливало следователя пыла [Фильковский].

В итоге бакинских изобретателей обвинили в подрыве «*мощи нашего государства*» – создание антисоветской организации, ведение антисоветской агитации – и приговорили к 25 годам лишения свободы [Там же].

В моноромане Инны Лиснянской «Хвастунья» содержится следующая информация об обстоятельствах ареста Р. Шапиро. Однажды во время прогулки впятером по книжному пассажиру Р. Шапиро и Г. Альшутлер при виде портрета Сталина позволили себе произнести вслух неосторожную реплику: «*Куда ни плюнь – эта морда*». И. Лиснянская, сопоставив ряд фактов и свидетельств, приходит к выводу, что друзей-изобретателей арестовали по доносу «*третьего неразлучного друга*» – Леки Эдельсона, который во время допросов рассказал о планах друзей создать «*вонючий порошок*», «*способный завонять парад*».

И. Лиснянская с ужасом вспоминает о том, как ей, незамужней девушке, пришлось просидеть трое суток в цинковой ванне с ледяной водой во время «*допроса в подвале серого дома бакинского чека*». Допросчик выбивал из нее под пытками «*нужные*» для следствия показания о планируемой диверсии во время парада:

– Заткнись, карабахская ишачка, я тебе ничего не говорил, я тебе признание твоей подружки передал, твоя Копейкис в Тбилиси рассказала все и про воню-

чую антисоветскую смесь. Призналась, что жених ее, Гена Альтшуллер, жидовский изобретенец, порошок изобрел: в любую лужу брось во время парада – растворится, и вонь пойдет, и завоняет на площади Ленина правительственную трибуну и колонны трудящихся. Подтверди формулу – отпустим. Кончай врать и прощения просить! Вчера за прощение тебе в один глаз всунули, а сейчас – и во второй получишь! [Лиснянская]

Спаслась И. Лиснянская лишь благодаря тому, что сумела на допросе изобразить приступ эпилепсии. Ее отпустили и приказали молчать, придерживаться легенды: «*проводив Копейкиса в Тбилиси, решила в море искупаться*», «*простыла, забредила*», «*провалилась трое суток в винограднике*», выбираясь, повредила о лозу глаз [Там же].

Р. Шапиро прошел Лубянку, Бутырскую тюрьму, Лефортово и оказался в лагерях Караганды и Сибири.

Таким образом, ученый-изобретатель провел на общих работах в лагере пять лет. Р. Шапиро и Г. Альтшуллер были реабилитированы после смерти Сталина и освободились в 1954 году с записью: «освобождены из-за отсутствия состава преступления».

В моноромане «Хвастунья» описывается возвращение «активных – против власти» друзей из лагеря: «*Гена-изобретатель*», «*каштановолосый, стройный, еще более худой, чем прежде*», «*Рафик-юрист, низенький, толстый, мелкокурчавый, полысевший макушкой*» [Лиснянская].

После освобождения Р. Шапиро восстановился на учебу в вуз. Вместе с Г. Альтшуллером он продолжил поиск секретов изобретательского дела. В 1956 г. они в соавторстве выпустили первую статью по психологии изобретательского творчества [Альтшуллер, Шапиро].

Возникает методика изобретательства, на ее базе в 1960-е годы создается алгоритм решения изобретательских задач (АРИЗ) и, наконец, в 1980-е годы – теория решения изобретательских задач (ТРИЗ).

Г. Альтшуллер так отзывался о роли Шапиро в создании ТРИЗ:

Шапиро очень быстро, кстати сказать, оценил нашу перспективу. Кабанов оценил техническую сторону, Шапиро оценил вытекающую сторону. Шапиро принадлежит мощнейшее сравнение. Он сказал так: «Маркс вывел законы развития общества, Дарвин вывел законы развития живых организмов, а мы выведем теорию, которая даст миру законы развития технических систем». <...> То есть он первый оценил эту штуку, это очень важно. Масштаб ее понял [Альтшуллер].

Рафик Шапиро стремился к знаниям и пониманию закономерностей происходящих событий. Получив два высших образования – техническое и юридическое, он остался верен своей мечте, столь же идеальной, сколь и недостижимой – мечте о том, что жизнь человека можно улучшить, изменяя не столько окружающую его технику, сколько мышление и образ жизни самого человека [Там же].

По наблюдениям Леонида Шуба, «он очень дорожил личной свободой»:

И когда стало ясно, что «друг Гена» рвется быть первым и главным не только в авторском списке их общих статей, Рафик ушел в другую область. После освобождения из лагерей в 1954 г. и реабилитации он работает инженером и получает второе высшее образование – юридическое, которое помогло уйти в журналистику, стать писателем. За долгие годы работы в «Бакинском рабочем» десятки статей были напечатаны во многих центральных газетах и журналах [Шуб].

Получив юридическое образование, Р. Шапиро перенес приемы, закономерности и «*линии развития*», наработанные за годы совместной работы над «*методикой изобретательства*», в область правовых отношений. Результатом многолетней исследовательской работы стала книга «Закон есть Закон», при создании которой были использованы некоторые принципы ТРИЗ [Бахтамов, 1968].

В 1980 году Рафаэль Шапиро вместе с семьей репатрируется в Израиль. На принятие окончательного решения об эмиграции из СССР большое влияние оказали Лев Копелев и его жена Раиса, с которыми чету Шапиро связывала многолетняя дружба.

В 1985–1991 гг. Р. Шапиро тесно сотрудничал с Кронидом Любарским, Борисом Хазановым и другими участниками правозащитного движения в СССР. В эти же годы он являлся ведущим политологом журнала «Страна и мир» (Мюнхен), для которого писал передовицы под псевдонимом Бахтамов (это девичья фамилия матери Рафаэля Шапиро) и рабочие статьи под своим собственным именем. Все эти годы Шапиро жил, по словам жены, в самолете, почти ежемесячно летая между Иерусалимом и Мюнхеном. В последние годы жизни, в 1991–1993 гг., был ведущим комментатором радиостанции РЭКА (Израиль).

Роман-воспоминание А. М. Гилязова «Давайте помолимся!», повесть Р. Шапиро «Двадцать пять плюс двадцать пять», монороман И. Лиснянской сближает друг с другом не только образ Рафаэля Шапиро, но и то, что эти произведения принадлежат к категории «воспоминательной прозы». Если для первых двух произведений важна биографическая основа, то И. Лиснян-

скую, скорее, интересует сам процесс поиска утраченного времени, поэтому писательница игнорирует линейно-хронологическое построение. При создании образа известного инженера-изобретателя, журналиста писатели используют психологический, динамический и речевой портреты.

Воспоминания и художественная проза современников Р. Шапиро, где встречаются упоминания о нем, проливают свет на «белые пятна» его биографии, позволяют нам глубже понять его мировоззрение и характер.

Список литературы

Альтшуллер Г. С. Жизнь Человека 1-Ч-502, 1985–1986). URL: <https://www.altshuller.ru/interview/interview5-4.asp> (дата обращения: 12.12.2018).

Альтшуллер Г. С., Шапиро Р. Б. О психологии изобретательского творчества // Вопросы психологии. 1956. № 6. С. 37–49.

Аяз Гилязов «Давайте помолимся!» – Презентация [Видеозапись]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=PhKb6Qe6wDA&feature=youtu.be&fbclid=IwAR27fR-Az2gC13D-FnqXZnfvrBg5UF_uAnj_K0R5vsf1SI7kWgFXkJAeLA (дата обращения: 12.12.2018).

Бахтамов Р. Изгнание шестикрылого Серафима. М.: Детгиз, 1961. 128 с.

Бахтамов Р. Властелин Окси-мира. М.: Дет. лит-ра, 1965. 48 с.

Бахтамов Р. Две тысячи золотых пиастров. М.: Гос.издат. АзССР, 1966. 188 с.

Бахтамов Р. Закон есть закон. М.: Дет. лит-ра, 1968. 288 с.

Бахтамов Р. Для кого падают яблоки. М.: Дет. лит-ра, 1973. 192 с.

Гилязов А. Давайте помолимся! Казань: Татар. кн. изд-во, 2017. 511 с.

Лиснянская И. Хвастунья // Знамя. 2006. № 1. С. 4–71; № 2. С. 8–72.

Изобретения Г. С. Альтшуллера // Журнал ТРИЗ. 1996. № 12. С. 58–59.

Первое авторское свидетельство, 1947. URL: <https://www.altshuller.ru/photo/photo11.asp> (дата обращения: 12.12.2018.)

Шапиро Р. ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ плюс ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ. Иерусалим: Бми, 1994. 144 с.

Шуб Л. Рафаэль Шапиро. К 85-летию со дня рождения. URL: <https://metodolog.ru/node/852> (дата обращения: 12.12.2018.)

Фильковский Л. Трудный путь изобретателя. URL: <https://www.metodolog.ru/00080/00080.html> (дата обращения: 12.12.2018.)

Хабутдинова М.М. Жанровое своеобразие романа-воспоминания А. М. Гилязова «Давайте помолимся!» (1991–1993) // // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 6. Том 1. С.207-212.

Ахунув Г. Язучы һәм заман // Казан утлары. 1998. №1. 119–126 б.

Гыйләҗев А. М. Сайланма әсәрләр 6 т. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013–2015.

Гыйләҗев А. М. «Без бит бәхетсез заман жимеше» / Әңгәмәдәш М. Галиев // Шәһри Казан. 1993. 30 сентября.

References

Aiaz Giliyazov “Davaite pomolimsia!” [Ayaz Gilyazov “Let’s Pray!”] – Prezentatsiia [Videozapis]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=PhKb6Qe6wDA&feature=youtu.be&fbclid=IwAR27fR-Az2gC13D-FnqXZnfvrBg5UF_uAnj_K0R5vsf1SI7kWgFXkJAeLA (accessed: 12.12.2018). (In Russian)

Akhunov, G. 1998. *Iazuchy ham zaman* [The Writer and His Contemporaries]. Kazan utlary. No. 1, pp. 119–126. (In Tatar)

Al'tshuller, G. S. (1985–1986). *Zhizn' Cheloveka 1-Ch-502* [The Life of Man1-Ch-502]. URL: <https://www.altshuller.ru/interview/interview5-4.asp> (accessed: 12.12.2018). (In Russian)

Al'tshuller, G. S., Shapiro, R. B. (1956). *O psikhologii izobretatel'skogo tvorchestva* [On the Psychology of the Inventor Creativity]. *Voprosy psikhologii*. No. 6, pp. 37–49. (In Russian)

Bakhtamov, R. (1973). *Dlia kogo padaiut iabloki* [For Whom Apples Fall]. 192 p. Moscow, Det. lit-ra. (In Russian)

Bakhtamov, R. (1966). *Dve tysyachi zolotykh piastrov* [Two Thousand Gold Piastres]. 188 p. Moscow, Gos.izdat. AzSSR. (In Russian)

Bakhtamov, R. (1961). *Izgnanie shestikrylogo Serafima* [The Exile of the Six-winged Seraphim]. 128 p. Moscow, Detgiz. (In Russian)

Bakhtamov, R. (1965). *Vlastelin Oksi-mira* [The Lord of the Oxy-world]. 48 p. Moscow, Det. lit-ra. (In Russian)

Bakhtamov, R. (1968). *Zakon est' zakon* [The Law is the Law]. 288 p. Moscow, Det. lit-ra. (In Russian)

Fil'kovskii, L. *Trudnyi put' izobretatelia* [The Hard Path of the Inventor]. URL: <https://www.metodolog.ru/00080/00080.html> (accessed: 12.12.2018). (In Russian)

Giliyazov, A. (2017). *Davaite pomolimsia!* [Let’s Pray]. 511 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)

Gyilәjev, A. M. (1993). “Bez bit bәkhetsez zaman әçimeshe” [“We’re the Fruit of Unhappy Times”]. Әңгәмәдәш М. Галиев. Шәһри Казан. 30 sentiabria. (In Tatar)

Gyilәjev, A. M. (2013–2015). *Sailanma әsәrlәр 6 t.* [Selected Works in Six Volumes] Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Izobreteniiia G. S. Al'tshullera (1996) [Inventions of G. Al'tshuller]. *Zhurnal TRIZ*. No.12, pp. 58–59. (In Russian)

Khabutdinova M.M. The Genre originality of Ayaz Gilyzov’s “Let’s pray!” memoirs-novel // European Social Science Journal. 2014. № 6. Т. 1. P.207-212.

Lisnianskaia, I. (2006). *Khvastun'ia* [A Boaster]. *Znamia*. No. 1, pp. 4–71; No. 2, pp. 8–72. (In Russian)

Pervoe avtorskoe svidetel'stvo, 1947 [The First Copyright Certificate, 1947]. URL: <https://www.altshuller.ru/photo/photo11.asp> (accessed: 12.12.2018). (In Russian)

Shapiro, R. (1994). *DVADTsAT'' PlAT'' plius DVADTsAT'' PlAT'* [Twenty Five plus Twenty Five]. 144 p. Ierusalim, Bmi. (In Russian)

Shub, L. *Rafael' Shapiro. K 85-letiiu so dnia rozhdeniia* [Rafael Shapiro. On the 85th Anniversary].

URL: <https://metodolog.ru/node/852> (accessed: 12.12.2018). (In Russian)

The article was submitted on 24.01.2019

Поступила в редакцию 24.01.2019

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,

кандидат филологических наук,

доцент,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

mileuscha@mail.ru

Khabutdinova Milyausha Mukhametsyanovna,

Ph.D. in Philology,

Associate Professor,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

mileuscha@mail.ru